

Твоя Глабость

Ева Вуксен

Осторожно! Слишком горячая история!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Виксен
Твоя слабость
Серия «Территория своих», книга 2

<https://litres.ru/74297598>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это 2 книга истории Саши и Игоря.

Каково это - жить дальше, зная, что твой мир сгорел за секунду? Саша выбрала забвение, тишину и попытку начать всё с чистого листа с другим человеком. Игорь выбрал ярость и вершину делового олимпа, где эмоции считаются слабостью. Девять лет они упорно доказывали сами себе, что разрыв был правильным решением, а их сумасшедшая связь - лишь глупой ошибкой.

Но когда невидимые нити судьбы вновь затягиваются на их шеях, сталкивая лицом к лицу, их выстраданный покой летит к чертям. Теперь это не просто встреча бывших - это любовое столкновение двух сильных, ожесточённых людей. Хватит ли у Саши сил противостоять напору мужчины, которого она когда-то боготворила, а потом люто возненавидела? И сможет ли Игорь укротить свою одержимость и гордость, когда поймёт, что до сих пор смертельно болен одной единственной девушкой?

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	4
I часть Игорь. Глава 1: Подставной Стоп-Кадр.	6
Глава 2: Разнос.	26
Глава 3: Точка невозврата.	41
Глава 4: Охотничий инстинкт	54
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ева Виксен

Твоя слабость

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

СТРОГО 18+. Книга содержит контент, предназначенный исключительно для совершеннолетних читателей.

Настоящее художественное произведение содержит подробные сцены эротического характера, ненормативную лексику, а также упоминание алкогольной продукции, табачных изделий и иных психоактивных веществ. **Автор напоминает, что употребление алкоголя, табака и любых психоактивных веществ вредит вашему здоровью.** Данные упоминания продиктованы исключительно художественным замыслом, не являются рекламой, романтизацией или пропагандой девиантного поведения и употребления каких-либо веществ.

Все персонажи, имена, фамилии, локации, организации и события в книге являются полностью вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), существующими компаниями, брендами или событиями абсолютно случайны.

Произведение носит исключительно развлекательный ха-

ракти, является художественным вымыслом и не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, взгляды, религиозные или политические убеждения.

Начиная или продолжая чтение данного произведения, вы подтверждаете, что вам исполнилось 18 лет, и вы берете на себя полную ответственность за ознакомление с данным текстовым материалом.

І часть Игорьь. Глава 1: Подставной Стоп-Кадр.

Ад сам по себе не разгорается. Ему всегда нужно топливо, и лучшее топливо для него - то счастье, что было у нас с Сашей. За него потом больше всего платить, за каждый грамм этого счастья.

В тот полдень в бассейне было жарко, пар стоял столбом, густой, как молоко. Вода бурлила, плечи ломило от кайфа, а сверху из пушек вылетал искусственный снег, падал на горячую кожу и сразу таял. Контраст дикий, и голова от этого плыла. Моя малышка радовалась как ребёнок такому сочетанию несочетаемого, хлопала в ладоши, ловила снежинки языком, а я, в свою очередь, был рад видеть её счастливой. На самом деле мужику много и не надо - только чтобы его любимая была рядом и улыбалась. Всё остальное приложится.

Сашка плавала, полностью расслабившись, повисла на мне, мокрые волосы липли к моим ключицам, и я держал её за бёдра, чувствуя, что когда она рядом, меня перестаёт грызть это вечное, фоновое напряжение. Судебный дурдом, который устроила Ира, наконец-то кончился. Мы выгребли из этой бурной реки, зализали раны, приросли друг к другу намертво. Я смотрел на любимую сквозь этот пар и до конца

не верил, что это вообще происходит со мной, что мне можно быть вот так просто счастливым, без ежеминутного ожидания подвоха или удара в спину. После всего того дерьма, в котором я варился годами, её тепло ощущалось как незаслуженный аванс, как что-то, что мне выдали по ошибке и скоро отберут.

Я вспомнил, как меня мучительно воротило от Алины. В тех прошлых отношениях я вечно был должен. Должен, должен, должен - бесконечный список. Должен соответствовать какому-то стандарту, должен правильно говорить, должен правильно смотреть, должен правильно одеваться, водить её по правильным ресторанам, давать правильное количество денег. Алина была дорогой нимфоманкой и латентной алко-голичкой, которая маскировала своё скотство шмотками из брендовых бутиков и высокомерной миной. Стоило ей пригубить лишнего - а пила она страшно, запираясь в спальне с бутылкой вина и врубая капризную стерву, как начинался ад. Она трахалась так, словно пыталась сожрать меня живьём, высосать все силы, а наутро смотрела на меня как на грязь под ногтями.

Я постоянно испытывал этот тупой, навязанный стыд за каждый свой неверный шаг, за слишком резкое слово или не тот взгляд. Алина умела душить, сука, выжигая изнутри чувством вины. Она умудрялась выставить меня виноватым даже в том, что сама нажиралась в хлам и вешалась на моих друзей на закрытых вечеринках. Я возвращался домой с

ощущением, что я какой-то дефектный, что со мной что-то не так, раз я не могу сделать счастливой эту сумасшедшую бабу.

Если бы не Сашка, я бы, наверное, женился на этой стерве, потихоньку спиваясь или окончательно ломая себе хребет в угоду чужим капризам. Именно Сашка тогда, сама того не зная, просто фактом своего существования дала мне силы и стимул послать Алину к чёртовой матери. Она показала мне, что женщина может не выжигать, а греть. Обычная девчонка из небогатой семьи, без закидонов и претензий на статус, просто была со мной такой, какая она есть, и этого хватало.

И ведь ладно бы только Алина. Когда всплыла эта мутная, грязная история с Ирой, любая другая девушка на месте Сашки собрала бы вещи в ту же секунду. Там всё выглядело максимально паршиво, против меня были пусть и смешные, но улики, весь этот шумок горничных и косые взгляды общих знакомых. Мне мало кто верил. А Сашка осталась. Она просто села напротив, посмотрела мне в глаза и сказала: «Я с тобой. Мы во всём разберёмся». Она поддержала меня, не отвернулась, когда от меня разило этой грязью, стала той самой единственной опорой, ради которой хотелось зубами землю грызть, но доказать, что я не мразь.

Хотя внутри, в самых тёмных углах моей души, куда я никого никогда не пускал, сидела одна позорная, ядовитая правда. Я ведь на самом деле хотел иногда оттрахать Иру. Видел её в этих чулках, ловил её случайные взгляды и ловил

себя на мысли, как зажимаю её где-нибудь в тёмном коридоре, просто чтобы сбросить пар. Напряжение между нами порой стояло такое, что искры летели. И меня каждый раз что-то останавливало в самый последний момент. То ли остатки мужской гордости, то ли страх потерять то настоящее, что только-только начало прорасти между мной и Сашкой. Я тормозил на самом краю, сжимал кулаки и уходил. Сашка об этом не знала. Она верила мне безоговорочно, свято, как верят только самым близким. И от этой её веры мне сейчас было одновременно и тепло, и жутко. Я понимал, какой кредит доверия мне выдан, и готов был разбиться в лепёшку, лишь бы его не потерять.

С Сашкой всё было по-другому. С ней мир был объёмным, настоящим, с запахами и вкусами, а не плоской декорацией, как с Алиной. Мне хотелось жить. Хотелось орать от счастья. Её двушка казалась нашей крепостью, а поездка в ГУМ перед этим выездом - чистым безумием. Я до сих пор помнил прохладу зеркала в бутике, за плотной шторой примерочной, куда я залез вслед за ней. Просто крышу сорвало от одного вида её тела. Помнил, как упал перед ней на колени, как впивался губами, пока она испуганно всхлипывала и пальцы в мои волосы зарывала, а потом этот быстрый секс, пока в зале неловко бродили консультанты... Это было моё. Настоящее. То, что не купишь ни за какие бабки, то, что отмывало меня от лет, проведённых с Алиной.

— Зайка, я вылезу, подышу. Что-то душно, — От тер-

мальной воды кровь слишком сильно прилила к голове, в висках бухало, лицо горело, словно я перегрелся на солнце.

— Давай, — Сашка улыбнулась, мазнув мокрым носом по щеке. — Я в дамскую и к тебе.

Я помог ей выбраться, мазнул взглядом по попке в узких изумрудных трусах и пошёл к веранде, в тень. Нужно было пять минут. Остыть, вдохнуть прохладного воздуха и прийти в себя.

Проходя мимо борта, я затылком почувал то, что бесило меня с самого первого дня нашего знакомства с её подругами. Это была Ксюша.

Я не идиот, людей считать умею - стройка и жёсткие тёрки с подрядчиками быстро укрощают иллюзии, учишься видеть гниль с первого взгляда. Эта девчонка с самого начала смотрела на меня как на витрину. Ценник не по карману, но потрогать руками хочется. Вот и сегодня ловила меня жадными глазами, пока её лучшая подруга и не подозревала об этом. Ксюше на этом отдыхе никто не достался, но, видимо, уж очень хотелось хоть кого-то. Ей двигала обычная, убогая бабская зависть - урвать кусок от чужого, Сашкиного пирога, доказать себе, что может поманить любого мужика, особенно того, кто обеспечивает её подруге нормальную, сытую, надёжную жизнь. Она видела, как я смотрю на Сашку, как оберегаю её, и это её корёжило. Аж противно. Не хочу, чтобы моё солнце с ней общалось. Надо что-то с этим делать... Но вот так в лоб сказать любимой, что её лучшая подруга

постоянно облизывается на меня с момента знакомства, я ж тоже не могу... М-да. Мысленно сплюнув, я ступил на прохладный деревянный настил веранды.

Здесь, в тени плюща, дышалось легче. Я опёрся о перила, закрыл глаза, блаженно впитывая тишину и подставляя лицо слабому сквозняку.

Шорох сзади раздался слишком резко. Какое-то суетливое шуршание ткани и тяжёлое, прерывистое дыхание.

Я открыл глаза, внутренне матерясь. Из-за угла, пошатываясь, вышла Ксюша. Сразу несло приторным ликёром впоремешку с кислым перегаром, аж передёрнуло от брезгливости. Деваха была в хлам. Зрачки огромные, на губах дурная и одновременно голодная улыбка. В точности как у Алины в её худшие ночи. Этот флешбэк полоснул по мозгам так резко, что я сжал кулаки.

— Игорёк... — выдохнула она, сокращая дистанцию до опасного минимума. — А чего один скучаешь?

— Ксюша, иди к бассейну, — сухо сказал я и выставил ладонь, обозначая границу. — Тебя там Леся ждёт наверняка. Сейчас Сашка придёт.

Вообще не услышала. Пьяный мозг заблокировал любые отказы. В глазах азарт - урвать чужое добро. Вместо ответа она сделала резкое движение руками за спину, и мокрый лифчик купальника со шлепком упал на доски.

Меня затошнило от брезгливости. Перед носом - её большая голая грудь. Физиология сработала сама, помимо воли

взгляд за секунду отметил всё: тёмные коричневатые соски, крупную родинку чуть выше левой ареолы. Ксюша шагнула ко мне, буквально впечатывая меня спиной в стену веранды.

— Эй! Ты что...

— Да ладно тебе... Сашка не узнает, — прошептала она, и её тухлый алкашный выдох обжёг шею.

Я опешил на секунду от такой запредельной наглости. Руки взлетели сами, перехватил её за мокрые плечи, собирался жёстко оттолкнуть не соображающую девушку от себя и рывкнуть так, чтобы хмель из башки выбило. Но Ксюша оказалась тяжёлой и липкой, как сырая глина. Пьяное вождение сделало её движения непредсказуемыми. Вместо того чтобы отлететь, она всей тушей навалилась на меня, увлекая вниз, и неуклюже рухнула на колени прямо на пол.

И её пальцы сразу с безумной скоростью вцепились в плотную резинку моих плавок, с силой потянув их вниз.

— Пошла вон! — хриплый рык вырвался из горла, я дёрнулся, пытаюсь высвободить таз, перехватить её запястья, убрать её руки от своего тела...

И тут я услышал скрип мокрой половицы за углом веранды. Мир вокруг замер, превращаясь в стоп-кадр. Воздух в лёгких мгновенно заledenел, а сердце сделало тяжёлый кувырок под рёбрами и сдохло. Я вскинул голову. На входе стояла Сашка. В пушистом белом халате. Моё солнце бледнело на глазах, губы затряслись, а в зелёных глазах было столько боли и рушащегося в пыль доверия, что меня самого будто

током прошло. Она смотрела на Ксюху на коленях, на её голые сиськи, на её руки на моих плавках. Для неё, со всей её чистой, неискущённой верой в меня, картинка была однозначной. Конечной. Расстрельной. В её глазах я сейчас стал точно такой же гнидой, какой меня и пытались выставить всё это время...

— Саш... Это не то, что ты подумала, — этот дебильный штамп вырвался сам. Голос предал, застряв в сухом горле. Внутри всё похолодело от леденящего ужаса.

Сашка сделала пару шагов назад, непрерывно качая головой, словно пыталась проснуться от кошмара. Я рванулся к ней, напроочь забыв про девку на полу, протянул руки, умоляя остановиться, выслушать: «Стой, послушай... дай секунду...»

— Не трожь меня! — истошный, хриплый крик полоснул по ушам, как бритва.

Видать, Сашка вложила в следующий шаг всю свою ярость, всю боль, и со всей дури ударила меня двумя ладонями в грудь. Я не ожидал такого отчаянного отпора. Нога поскользнулась на влажных от мокрых следов досках. Баланс я потерял мгновенно и полетел спиной назад. Раздался сухой треск ломающегося дерева, и я нахер снёс декоративную стенку с плющом. Острая вспышка боли взорвалась в затылке, когда я ударился обо что-то твёрдое. В глазах потемнело, мир перевернулся, и по шее, по спине быстро потекло горячее и липкое.

Ксюша, испуганно взвизгнув, потеряла равновесие и неуклюже плюхнулась задницей на пол. Даже не подумав прикрыться, полезла ко мне, пытаясь спрятаться от Сашкиного гнева за моими плечами.

— Игорь! — заскулила она, и её голая упругая грудь со всей дури мазнула меня прямо по роже, оставляя влажный, мерзкий след.

Этот жест стал финальным гвоздём программы. Сквозь кровавую пелену в глазах я увидел, как на веранду выскочила Олеся, прибежал ошарашенный Бодя, как они застыли каменными изваяниями от шока. И я видел Сашку. Лицо было перекошено от нечеловеческой обиды. Она страшно, грозно зашипела, глядя на нас, и каждое её слово падало мне на грудь раскалённой плитой. Она кричала Ксюхе про универ, про то, что защищала её от других, потом называла давалкой... А потом её взгляд, полный ненависти, переместился на меня.

— А ты... ты даже не вздумай больше приближаться к моему дому. Слышишь? Ты для меня отныне никто! Вы оба для меня никто. И звать вас никак. Уроды...

— Саша... — я обалдел, чувствуя, как внутри всё рассыпается на миллиарды осколков. Я терял её. Прямо сейчас, из-за тупой случайности и из-за чужой ошибки я лишился всего, ради чего дышал последний месяц. Всего того спасительного тепла, которое вытащило меня из петли бывших отношений.

Она развернулась и напролом бросилась в сторону разде-

валок. Леська, матерно выругавшись, рванула за ней.

Я попытался подняться, но голова кружилась, а Бодя, подскочив, силой удержал меня за плечо:

— Игорь, твою мать, что тут случилось?! — Он уставился на рыдающую и голую Ксюшу.

— Пусти! — я яростно оттолкнул его, едва не упав снова. Кое-как поправил шорты, плевать желая на сочащуюся по шее красную струйку. Волосы были растрёпаны, в ушах звенело, а внутри разрасталась паника. Я кинулся в мужскую раздевалку, переодеваясь в темпе, поскольку прекрасно понимал, что моя любимая сейчас просто сбежит и надо её остановить во что бы то ни стало.

Я вылетел на парковку как раз в тот момент, когда Саша и Леся уже подбегали к стоявшему у ворот такси.

— Саш, выслушай... — я на ходу попытался перехватить её.

Звук удара эхом разнёсся по всей округе. Смачная, хлёсткая, звонкая пощёчина прилетела мне точно в левую щёку. Голова дёрнулась в сторону. Выбежавшие следом на парковку Стас и Олег на заднем плане аж синхронно ухнули от неожиданности, притихнув. Я медленно сглотнул горькую обиду, чувствуя, как лицо горит не от удара, а от бессилия. В следующую секунду мой собственный взгляд налился опасной, дикой яростью. Я не желал мириться с таким унижением, но и не хотел причинять ей боль. Она не в себе, и я ей это прощу. Но меня же подставили. А она даже не хочет выслу-

шать! После всего, что мы прошли, после того, как я вынул её ног из-за подставы Иры, она швыряет меня в утиль, даже не дав сказать слова!

Я снова шагнул к ней и перехватил её тонкое запястье своими пальцами, сжимая их как тиски.

— Не пущу, — дико зарычал я ей прямо в лицо, теряя остатки цивилизованного лоска. — Мы не договорили!

— Отпусти, подонок! Отпусти меня! — она билась в моих руках, извиваясь всем телом, а её глаза горели такой ненавистью, что мне стало по-настоящему страшно. Она никогда прежде так не смотрела на меня... Никогда... Это было просто невыносимо.

— Игорь, блин,пусти её! Ты что, не видишь, в каком она состоянии?! — Леся попыталась вклинитья между нами, толкая меня в бок.

— Не мешай! — огрызнулся я, даже не повернув головы, продолжая держать Сашку.

Дверь такси распахнулась. Из салона вышел крепкий, хмурый водила предпенсионного возраста. Оценив обстановку - окровавленного мужика с диким взглядом и бьющуюся в истерике девчонку, он строго прищурился:

— Девушка, вам помощь нужна? Что происходит?

— Да! Пожалуйста, помогите! Вы же видите, этот человек пристаёт ко мне и удерживает силой! — Сашкин крик полоснул по живому. Она просила помощи у чужого мужика. Против меня. Против своего мужчины, которого ещё двадцать

минут назад нежно целовала в бассейне.

— Эй, парень, слышь? Руки убрал от неё. Быстро, — ледяным, предупреждающим тоном окрикнул меня водитель, делая шаг вперёд и закладывая руку за спину.

Я замер. Внутренности будто выжгло напалмом. Я смотрел в Сашкины расширившиеся глаза и читал в них такую глубину укора, словно это я сейчас совершил самое страшное, гнилое предательство в истории, а не стоял секунду назад, готовый расшибить Ксюше морду за её фокусы. Мои пальцы медленно, по одному разжались, отпуская её руку. Пусть я и не хотел её отпускать. Ох как не хотел. Она смотрела на меня как на палача, брезгливо отпихнула с дороги и упала на заднее сиденье машины. Леся запрыгнула следом, с грохотом захлопнув дверь.

Такси с пробуксовкой рвануло с места, обдав меня волной горячего воздуха и пыли.

Я остался стоять на асфальте. Кровь из затылка уже успела пропитать воротник, лицо горело от пощёчины, а в груди разливалась ярость и обида.

Внутри полыхнуло так, что перед глазами встала багровая пелена. Напряжение, державшее меня на парковке, лопнуло. Развернувшись, я рванул обратно в комплекс. Пацаны едва поспевали за мной, что-то крича в спину, но я не слышал. Мне было плевать на приличия, на правила и на то, как я выгляжу со стороны - с разбитой головой, в мокрых шортах и с гневным взглядом.

Я с ходу нанёс удар ногой по двери женской раздевалки. Створка с грохотом отлетела, ударившись о стену.

Внутри взвизгнули. Ксюху, завёрнутую в махровый халат, как раз пытались успокоить девчонки. Она сидела на лавке, размазывая тушь по лицу, и жалобно хныкала, корча из себя невинную жертву. Стоило мне вломиться, как её плач мгновенно оборвался. Следом за мной в помещение вбежали Бодя, Стас и Олег, готовые, если что, удерживать меня втроём.

Но держать меня было не нужно. Я подошёл к ней вплотную, нависая всей своей тушей, и резко ткнул пальцем прямо в её заплаканное лицо.

В этот миг во мне боролись два полярных желания. Боль в затылке пульсировала, и хотел просто схватить эту тварь за патлы и долбануть со всей силы об кафельный пол, чтобы она на собственной шкуре ощутила хотя бы сотую долю той херни, которую только что устроила. Но, разумеется, я не стал делать подобного. Я не маньяк, не зверь, и избивать женщин - так вообще последнее дело, до которого уважающий себя мужик никогда не опустится. Вместо этого я вложил всю свою ярость в голос.

— Значит так, — процедил я сквозь зубы, и от моего хриплого, вибрирующего шёпота девчонки испуганно вжались в угол. — Ты сейчас вытираешь свои сопли, садишься в машину и едешь к ней! И расскажешь всё как было, от первого до последнего слова. Ты поняла меня?!

— И-Игорь... — проблеяла шатенка, глядя на меня свои-

ми испуганными, внезапно протрезвевшими глазами. В них больше не было того азарта и похоти, только страх. — Прости... меня... Я не хотела...

— Рот закрой! — рявкнул я так, что зазвенели зеркала над раковинами. — Чтобы через час была у неё дома.

Я резко развернулся, едва не задев плечом Бюграда, вылетел из женской раздевалки и быстрыми шагами направился в мужскую, на ходу вытирая свежую кровь, снова потекшую по шее. Желание крушить всё на своём пути по-прежнему разрывало изнутри.

Бюда догнал меня уже у шкафчиков. Он перехватил мою руку, заставляя остановиться, и заглянул прямо в глаза:

— Игорь, тормози! Тормози, ёпть, остынь! Послушай меня. Дай Саше время. Она сейчас на таких эмоциях, что ты хоть кричи, хоть на колени встань - она тебя просто не услышит. Ей надо самой это переваривать.

Я сбивчиво и хрипло дышал, уставившись в стену. На своих собственных эмоциях, когда в ушах бухала кровь, я еле слышал его слова. Они долетали до меня как сквозь толщу воды. Хотелось послать его, прыгнуть за руль и мчаться за такси, перехватить её, обнять и не отпускать. Но остатки здравого смысла, которые забились в самый дальний угол головы, подсказали: Бюда прав. Силой я сейчас сделаю только хуже.

Я закрыл глаза, сделал медленный, глубокий вдох и на секунду прижался лбом к холодному металлу шкафчика.

— Ладно, — глухо бросил я, оборачиваясь к другу. — Ладно... Ты прав. Ей надо остыть. Но сидеть сложа руки я не буду.

Боград понимающе кивнул и хлопнул меня по плечу.

Он не дал мне погрязнуть в этой грызущей панике. Мы вместе дошли до медпункта, где меня подлатали - хорошо, что зашивать не пришлось. Так, царапинка... Ну и фурия у меня, конечно... Буду до конца жизни на ней подтрунивать! А потом мы дошли до администрации комплекса. Бодя взял на себя все разговоры с администратором, пока я молча стоял рядом, напоминая своим видом выходца с бандитских разборок. К счастью, панибратский тон здоровяка и пара крупных купюр, ненавязчиво опущенных на стол перед бледным начальником охраны, сотворили чудо.

Уже через пятнадцать минут мы сидели в камере службы безопасности перед мерцающим монитором.

— Вот этот ракурс, — ткнул пальцем охранник.

На экране в идеальном качестве, чётко и со всеми деталями, развернулась вся хронология моего кошмара. Вот я выхожу на веранду один. Вот ко мне подкрадывается пьяная Ксюша. Вот я выставляю руку, обозначая границу, а она буквально нападает, сдёргивая купальник. Мужики пикантно хмыкали, а вот мне было мерзко до сих пор. Неприятно, когда до тебя домогаются. Видно было каждое моё движение, как я пытаюсь оттолкнуть её, как перехватываю руки, как она сама падает на колени и силой тянет мои плавки

вниз. А следом и появление Саши.

Это было стопроцентное, железобетонное алиби. Видео-запись полностью, без единого зазора подтверждала мою невиновность. На ней не было двусмысленности, там было чистой воды нападение неадекватной бабы на мужика, который отбивался как мог.

Я бережно забрал флешку с сохранённым файлом, сжимая её в кулаке так, словно это был мой единственный пропуск обратно в жизнь. Обида внутри никуда не делась, затылок продолжал ныть, но теперь у меня было оружие. Вот эти-то записи, Сашуле я и покажу. И тогда мы поговорим совсем по-другому.

Ночь встретила меня маревом столичных окраин. Уже в ночи я заглушил двигатель у её дома. Безумие, копившееся во мне всю дорогу от SPA-комплекса, требовало выхода. Я ехал по МКАДу и выл от ярости, колотя ладонями по рулю. Как, как можно было за один миг превратить всё наше выстраданное счастье в пепел? За что мне это? За то, что не трахнул Иру, когда хотел, за то, что противостоял Ксюше, за то, что держался зубами только за Сашку, а в итоге получил клеймо насильника и изменщика от самой же Саши? Что же это получается? Быть честным и ответственным человеком - дело неблагоприятное?!

Я взлетел на третий этаж, перепрыгивая через две ступени, и обрушил кулаки на хлипкую деревянную дверь её квартиры.

— Саша! Это я... Открой, нам надо поговорить! — мой голос, сорванный и сиплый, эхом разлетелся по унылому, пропахшему старой побелкой подъезду. Я надавил на звонок.

За дверью стояла мёртвая тишина. Но я кожей, каждым нервным окончанием чувствовал, что она там. Что они обе там с Леськой. Из глубины квартиры доносился едва различимый, глухой шум льющейся в ванной воды. Она пряталась от меня. Заперлась, отмывая несуществующую грязь, пока я сходил с ума на коврике у порога. Она смывала мои прикосновения, мой запах, всё то, что мы строили по кирпичику в этой самой квартире?

Дверь открыла Леся и тут же протянула мне чемодан. Я отпихнул её, обошёл комнаты, чтобы убедиться, что Сашка нигде не прячется. Но нет, шум воды всё-таки выдавал её в ванной. Она пыталась заглушить плач, но я всё равно слышал, как ей больно.

— Саш, я никуда не уйду! Слышишь?! Это твоя подруга, она была в хлам, она сама! Я хотел её оттолкнуть! Саш, открой дверь, не доводи меня! Выслушай! — я перешёл на крик, молотя по деревянному полотну ладонями. Стены квартиры, казалось, вибрировали от моих ударов.

— Ты её пугаешь! И меня! — Леся вжалась в угол прихожей.

— Я ничего вам не сделаю! Я просто хочу с ней поговорить, у меня есть видео! Саш, я хочу тебе кое-что показать! Милая! Слышишь?!

Но она мне не ответила.

— Эта сука тут была? Ксюша приезжала?

— Нет... — ошарашенно ответила Леся.

— Тварь! Она должна была признаться Саше, что она сделала!

— Игорь... Ты не в себе, тебе лучше пока уйти...

— Никуда я не уйду, пока она мне не откроет и не посмотрит видео!

Это мучение продолжалось около часа. Я умолял, ломал ногти о замки, орал, срывая голосовые связки, вспоминал наш первый раз, наше первое свидание, падение в пруд, наши прогулки по вечерам, всё, что должно было напомнить ей, кто я для неё. А потом снова скатывался в шёпот, прижимаясь лбом к холодному дереву. Пустота внутри разрассталась, заполняя лёгкие чёрным дымом. Она не верила. Она просто вычеркнула меня вот так из своей жизни. Она не дала мне ни единого шанса.

Наверху открылась дверь. На лестничную площадку вышел заспанный, злой мужик в мятых шортах - сосед. Олеся почему-то не закрыла входную дверь. Хотя как это «почему-то»... Она откровенно боялась меня.

— Эй, амбал, ты задолбал уже весь дом будить! — крикнул он, опасливо держась за перила. — Убирайся отсюда, пока голову не проломили! Или мы ментов вызовем!

— Пошёл ты! — рывкнул я, даже не оборачиваясь, и снова нанёс тяжёлый удар в дверь ванной комнаты. — Саша!!!

Полиция приехала быстро. Видимо, жильцы проявили редкую солидарность. Шаги тяжёлых берцев по ступеням я услышал, когда уже почти обессилел, привалившись спиной к косяку. На площадку поднялись двое патрульных в бронежилетах, с автоматами наперевес.

— Так, гражданин, руки на стену. Гражданин, я кому сказал? На стену! — молодой сержант резко рванул автомат с ремня.

Я медленно повернулся, глядя на них сквозь пелену головной боли. Руки в крови от ударов, взгляд дикий - картина для наряда была предельно ясной.

— Мужики, хорош... Мне просто поговорить надо со своей девушкой, — глухо произнёс я, выставя пустые ладони.

— В отделении поговоришь. На выход, быстро. Ещё один выкрутас и поедешь в наручниках за сопротивление, — старший наряда, плотный капитан, жёстко перехватил мой локоть, заламывая руку за спину.

Я не стал сопротивляться. Силы ушли, оставив после себя только апатию. Меня повели вниз по тёмной лестнице. Проходя мимо окна между вторым и третьим этажом, я бросил последний взгляд на прихожую, в которой испуганно стояла Олеська. А за дверью ванной комнаты по-прежнему шумела вода, смывая наше нехитрое, размеренное счастье в канализацию.

Меня вывели на улицу, где у подъезда уже мигал синими огнями полицейский УАЗик. Я сел на жёсткое сиденье в

«стакане» машины, прижался затылком к холодному металлу перегородки, чувствуя, как свежая кровь снова потекла по шее, и закрыл глаза.

Глава 2: Разнос.

«Стакан» полицейского УАЗа - это такая малоприятная, узкая, железная коробка, где коленями упираешься в собственную грудь и молишься, чтобы поездка закончилась побыстрее. Машина прыгала по лежачим полицейским, и каждый толчок отзывался в пробитом затылке режущей вспышкой, словно мне туда вгоняли толстенную иглоку или кто-то копошился своими мерзопакостными когтями. Кровь на шее окончательно подсохла, стянув кожу противной коркой.

Внутри этой железной бочки воняло резиной, перегаром и будто бы рвотой, которую плохо убрали. Я сидел в темноте, слушая ровный гул глушителя, и тупо смотрел перед собой. Злость никуда не ушла, она просто застыла, превратившись в многопудовый камень, который давил на лёгкие. Перед глазами до сих пор стояло лицо Саши... Как она кричит на меня... Как говорит, что я для неё умер... То, как она просила помощи у таксиста. У чужого мужика. Против меня. Эта мысль жгла сильнее, чем разбитая голова. Я ведь готов был за неё любого в асфальт закатать, а она выставила меня конченым уродом перед моими же друзьями.

Машина резко затормозила. Скрипнули тормоза, грохнула тяжёлая задвижка, и дверь «стакана» распахнулась.

— На выход, — хмуро бросил сержант, дёрнув подбородком.

Я вылез наружу, едва не упав, потому что ноги затекли от сидения в три погребели. Нас привезли во внутренний двор районного ОМВД. Вокруг глухие стены, серая краска, над козырьком тускло мигает жёлтая лампочка, собирая вокруг себя мошкарку. Меня провели через двойной тамбур с железными решётками прямо к дежурной части. За толстым стеклом сидел уставший капитан с багровым лицом, нехотя перебирая какие-то рапорты.

— Кого привели? — не поднимая головы, буркнул он.

— Семейный дебош на семнадцатой Парковой, — доложил старший патрульный. — Дверь ломал, соседей на уши поднял, на замечания не реагировал. При задержании пытался качать права.

— Фамилия, имя, отчество, — капитан наконец поднял на меня взгляд. В его глазах было столько равнодушия, будто я у него уже сто пятидесятый такой за день.

— Лазарев Игорь Владиславович, — глухо ответил я.

— Шнурки, ремень, телефон, ключи - всё на стол. Деньги, документы туда же.

Я молча вытащил из карманов шорт ключи от машины, паспорт и ту самую флешку, которую сжимал в кулаке как единственное спасение. Пальцы неохотно разжались. Кусок пластика со стуком упал на деревянную стойку рядом с моим паспортом. Капитан безразлично пересчитал вываленную мелочовку, записал всё в протокол досмотра.

— Звонок положен? — спросил я, чувствуя, как голос са-

дится.

— Положен. Пять минут, — дежурный пододвинул ко мне стационарный дисковый телефон, старый, обшарпанный. — Набирай.

К своему стыду, я сначала затупил, не соображая, как тут набирать... Немного поглядел на этот раритет и вроде как догадался. Но затем замер на секунду. Кому звонить? Пацанам? Боду, Стасу? Они и так на ушах, ничем мне сейчас здесь не помогут, только под окнами отдела дежурить будут. Семейному адвокату? Блин, в такой час... Оставался один вариант. Человек, которому я меньше всего хотел звонить в таком виде, но который мог вытащить меня из этого болота одним щелчком пальцев.

Я набрал наизусть знакомый номер. Трубку сняли после третьего гудка. Никакого сонного голоса - Аркадий всегда спал чутко, как на пороховой бочке.

— Слушаю, — раздался в трубке его сухой, ровный бас.

— Это я, — я сглотнул вязкую слюну. — Я в ОМВД Измайлово. Задержали за дебош. Вытащи меня отсюда.

Отвечать не спешили. Я почти слышал, как Аркадий на том конце провода закрывает глаза и массирует переносицу.

— Ждите, Игорь Владиславович, — коротко бросил он и повесил трубку. Короткие гудки забили в ухо.

Капитан забрал у меня телефон, кивнул конвойному:

— Давай его в КАЗ. До утра, пока трезветь не начнёт.

Меня привели к тяжёлой железной двери со смотровым

глазком. Ключ повернулся в замке три раза с противным, лязгающим звуком. Дверь приоткрылась, и меня буквально впихнули внутрь.

Камера административно задержанных, в простонародье обезьянник, встретила меня убойным амбре. Воняло тут хуже, чем в «стакане», мочой, сигаретами и мужским потом. Пространство три на четыре метра, вдоль стен стояли узкие деревянные нары, привинченные к полу. А из освещения тут только одна тусклая лампочка под потолком, защищённая густой стальной сеткой. На полу слой серой пыли, углы заплёваны и кое-где аж заблёваны. Вот тут-то я и пришёл в ужас. Не подцепить бы чего... А с другой стороны, когда мы с Сашкой помиримся, буду перед ней этими стрёмными воспоминаниями щеголять, а она охать и ахать, и осыпать меня поцелуями в слёзных извинениях, что из-за неё пришлось мне так настрадаться. Разумеется, я всё ей прощу, но сексуально буду долго и упорно наказывать.

На нарах сидели двое. Один был тихий, помятый работага в грязной спецовке, уткнувшийся носом в колени и мерно сопящий. От него разило перегаром так, что я сам окосел. Второй обитатель сидел в углу, развалившись на деревянном настиле. На вид лет двадцать пять, треники с вытянутыми коленями, дешёвая олимпийка, натянутая на худое жилистое тело, и короткая стрижка. Глазки маленькие, шустрые, крысиные. Я не уверен, но вроде как таких называют гопниками.

Когда меня впустили, он даже оживился. Оценил мой

рост, плечи, а потом взгляд его сполз на окровавленную шею и мокрые брендовые шорты.

— Опа-чо, — ухмыльнулся он, обнажив желтоватые зубы. — Гляньте, какого кабанчика к нам занесло. Слышь, чё с репой? Бабёнка какая сковородкой пригрела?

Я проигнорировал его. Вообще. Мне сейчас было настолько не до него, что его дребезжащий голос казался писком надоедливового комара. Кое-как выбрав место почище, я прошёл в противоположный угол, сел на свободный край настила, опёрся спиной о холодную стену и закрыл глаза. Затылок разламывался. Тот дикий адреналин, который гнал меня по МКАДу и заставлял колотить в дверь Саши, полностью испарился. Вместо него пришла невероятная усталость.

«Что я здесь делаю? — тупо крутилось в голове. — Как я до этого докатился? Сижу в обезьяннике, как последний бич». От мысли, что Сашка сейчас там, за закрытой дверью, перебирает в уме картины с веранды, внутри всё клочкотало.

— Слышь, малой, ты чё, глухой? — гопник на нарах не унимался. Моё молчание он, видать, принял за слабость или испуг. Он поднялся, поигрывая плечами, и сделал два шага в мою сторону. — Я с тобой разговариваю, абонент — не абонент. Ты с какого района вообще? Чё молчишь, как мышь? Шорты нарядные, рубашечка с крокодильчиком, бабки есть, походу? Давай корешиться, йопть.

Я медленно открыл глаза. Посмотрел на него снизу вверх. Прямо в его маленькие, наглые зрачки. Пелена ярости, ко-

торая утихла было на пару минут, снова начала подниматься из глубин желудка. Мне нужен был объект для разрядки. Мне до безумия хотелось пустить кому-нибудь кровь, просто чтобы сбросить это дикое напряжение ночи. И этот придурак сам напрашивался на роль груши.

Я встал во весь свой немаленький рост. Расправил плечи. Гопник как-то сразу притих, его ухмылка слегка сползла, а сам он непроизвольно сделал полшага назад. Разница в весе у нас была килограмм пятнадцать, и это были не жировые отложения.

— Слушай сюда, прыщ, — сказал я очень тихо, но так, что даже спящий в углу работяга завозился. — Если ты сейчас не сядешь обратно на свою жёрдочку и не закроешь свой клюв, я до утра буду размазывать тебя по этому кафелю. Менты не прибегут, им насрать. А у меня сегодня такой день, что мне абсолютно плевать, сколько мне за тебя добавят. Ты понял меня?

Я шагнул к нему, сжав кулаки так, что суставы хрустнули в тишине. Гопник сглотнул. Наглость с него слетела, как шелуха. Он оценил мой дикий взгляд, окровавленную рожу и понял, что перед ним не «сладкий мальчик», а человек, который реально сейчас готов его покалечить без лишних разговоров. И в его взгляде я увидел то, что порой видел в глазах друзей, Алины и Сашки, когда я не в настроении... Страх.

— Да ладно, чё ты... я ж просто поинтересовался... Чё сразу быковать-то... — забормотал он, боком-боком возвраща-

ясь на свои нары. Усел в самый угол, подогнул ноги и уставился в пол, больше не издав ни звука.

Я снова сел. Время потянулось со скоростью помирающей улитки. Минуты казались часами. Я смотрел на грязный пол, и внутри меня поочерёдно выжигали то злость на Ксюшу, то обида на Сашу, то полное отчаяние.

Прошло около полутора часов. За решёткой слышались шаги. Замок снова лязгнул. Дверь распахнулась, и на пороге появился дежурный капитан. Тот самый, который общался со мной как с грязью под ногтями. Сейчас его лицо выражало странную смесь угодничества и натянутой вежливости. Он даже фуражку поправил.

— Лазарев Игорь Владиславович, на выход, — произнёс он, демонстративно не глядя в сторону остальных задержанных.

Я поднялся, на ходу поправляя шорты, и вышел в коридор. Около дежурки стоял Аркадий. Он посмотрел на меня. Задержался взглядом на моей разбитой голове, на грязных шортах, на сбитых в кровь кулаках. И мне показалось, я увидел во взгляде иронию... Не понял, конечно, почему он иронизировал. Что тут такого ироничного-то? Ну ладно злость там, злорадство может быть... Но ирония?

Дежурный капитан протянул мне пластиковый лоток с моими вещами, улыбаясь:

— Вот, Игорь Владиславович, ваши личные вещи. Паспорт, ключи...

Аркадий забрал у него какую-то бумагу, быстро расписался и коротко бросил:

— Вопросов к отделу нет. Поручительство оформлено, обязательство о явке у нас. Всего доброго.

Полиции за стеклом проводили нас взглядами. Один из оперов, куривших у окна, тихо, но так, чтобы я слышал, ухмыльнулся своему напарнику:

— Ну надо же, Лазарев собственной персоной. Что-то парень из криминальных хроник не вылезает... Видал, как его разукрасили? Краля какая-то от него в ванной спряталась... Зверь, походу.

Я резко повернул голову в его сторону, чувствуя, как кулаки сами сжимаются, но Аркадий жёстко положил мне руку на плечо. Его пальцы сжались как стальные тиски, заставляя двигаться к выходу.

— Шагайте вперёд, Игорь Владиславович, — негромко, но так, что спорить было бесполезно, скомандовал он.

Мы вышли на улицу. Ночной воздух после душного обещания показался чистым, но он не принёс облегчения. У крыльца отдела стоял огромный чёрный внедорожник Аркадия, матово поблёскивая в свете фонарей. Водитель мгновенно выскочил из салона, открывая заднюю дверь.

Мы сели на заднее сиденье. Аркадий достал из кармана переднего сиденья влажные салфетки и молча протянул мне. Я взял пачку, вытащил одну и начал стирать с шеи и затылка засохшую кровь. Салфетка мгновенно стала багровой. Хоть

меня в медпункте и обработали, но кровь, похоже, долго не останавливалась. Да, зайка приложила меня - будь здоров. Моя девочка.

Машина плавно тронулась с места и покатила по пустым улицам спящей Москвы. Несколько минут мы ехали в полном молчании. Аркадий смотрел в окно, барабанил пальцами по кожаному подлокотнику. Я ждал вопросов. Я просто знал, что они должны были быть...

Наконец он повернулся ко мне. Его взгляд был тяжёлым, пронизывающим.

— Рассказывайте, — сухо, без лишних предисловий начал он. — Что там опять за Санта-Барбара? Откуда кровь? Почему дверь ломали? Что с Александрой?

Я швырнул грязную салфетку в подстаканник и устало потёр лицо ладонями. Говорить не хотелось, но скрывать что-то от Аркадия было глупо. Он и сам узнает рано или поздно, да и просто по-человечески же хочет поддержать... Я это чувствую.

— Да, карма у меня что ли такая? Подстава подстав случилась, — глухо начал я, глядя в свои колени. — Всё произошло в SPA-комплексе, мы там с пацанами и девчонками отдыхали. Саша отошла в дамскую комнату. Я вышел на веранду подышать. Туда припёрлась её подруга, Ксюша. В хлам пьяная. Видимо, зависть бабская крышу сорвала. Начала вешаться на меня, лифчик сбросила, навалилась всей тушей... Я пытался её оттолкнуть, перехватить руки, а она потеряла

равновесие, упала на колени и вцепилась в мои плавки, потянула вниз. И в этот самый момент из-за угла выходит Саша.

Аркадий слушал молча, не перебивая, только брови его чуть сошлись к переносице.

— Картинка для неё была однозначной, — продолжил я, чувствуя, как внутри снова закипает горькая обида. — Саша решила, что я ей изменяю с её шлюховатой подругой... У неё истерика началась, она меня ударила в грудь, я поскользнулся на мокрых досках, снёс спиной декоративную стенку и пробил затылок об какую-то раму. Она уехала на такси. Я рванул за ней, хотел объяснить, поговорить... Дверь открыла Леся, её вторая подруга, выкатила мне чемодан с моими вещами. А сама Саша заперлась в ванной от меня... Я просто пытался достучаться до неё. Хотел с ней поговорить... Но она меня игнорировала. Но ты не думай... Я не хотел как-то ей навредить или обидеть, наоборот... Ну и соседи вызвали полицию. Вот и всё.

Я вытащил из кармана шорт флешку, которую мне вернули дежурные, и показал Аркадию на ладони.

— Но у меня есть доказательство. Мы с Бодей выбрали видео с камер наблюдения комплекса. Там всё чётко видно от первого до последнего кадра. Видно, как её подруга на меня нападает, и как я отбиваюсь. Запись полностью подтверждает мою невиновность. Железобетонно. Я чист! Но Саша даже слушать меня не стала! Она просто выставила ублюдком перед пацанами и вызвала ментов чужими руками!

Аркадий молча забрал у меня из рук флешку. Покрутил её в пальцах, посмотрел на свет, а потом вернул обратно.

— Вы дурак, Игорь Владиславович, — тихо, но веско произнёс он. — Круглый, набитый дурак. Силой женщину заставить верить нельзя. У неё сейчас шок, понимаете вы это или нет? А тут ещё вы прилетаете... Весь окровавленный, дикий, с безумными глазами, и начинаете выламывать двери в её квартире. Вы чего добивались? Чтобы она от страха там умерла? Запись ваша — золото, спору нет. Но покажи вы её ей сейчас, в ту секунду, она бы её в окно выбросила или об стену разбила. Она бы ничего не увидела, потому что у неё перед глазами стояла та сцена с веранды. Ей нужно время. Дайте ей сутки. Пусть побудет в этом, пусть подруга её поутешает. А завтра, когда у неё включится мозг, вы придёте к ней не как безумный дебошир, а как мужчина, которому нечего скрывать. Спокойно положите планшет на стол и включите видео.

Аркадий замолчал, уставившись в окно. Слова его трезвили лучше, чем холодная вода. Он был прав. Мой напор, моя паника только усугубили ситуацию. Саша видела во мне угрозу, видела зверя, который пытается силой ворваться в её мир.

— Приведите себя в порядок, Игорь, — добавил Аркадий, когда внедорожник плавно затормозил у ворот моего дома. — Вечером поедете к ней. Машину уже отогнали от её дома и вещи ваши забрали. Сутки пройдут, как раз всё уляжется.

И сделайте так, как я сказал, только без эмоций...

Я кивнул, поблагодарил его и вышел из машины. Но на этом моя весёлая ночь не закончилась. Внедорожник Аркадия высадил меня у ворот родительского особняка. Охрана на въезде среагировала мгновенно, заведев мой потрёпанный вид, начальник смены лишь понимающе и глухо козырнул, не задавая лишних вопросов. Я быстрым шагом пересёк безупречно подстриженный газон, поднялся по гранитной лестнице и толкнул дверь.

В холле было тихо, но стоило мне сделать несколько шагов в сторону жилого крыла, как из огромной, залитой предрасветными сумерками гостиной донёсся негромкий стук фарфора. Я замер в арочном проёме. Отец сидел в глубоком кожаном кресле у панорамного окна, выходящего на розарий. Перед ним на низком столике стояла полупустая чашка чёрного кофе. Он не спал. Судя по его взгляду, он сидел здесь давно. Ждал меня. Видимо, Аркадий или ещё кто-то держал его в курсе моих ночных приключений, но сам он в ментовку пачкаться не поехал и ждал дома, чтобы устроить разнос на своей территории.

Отец медленно поднялся. Его высокая, до сих пор крепкая фигура в домашнем шёлковом халате поверх рубашки казалась медвежьей в полумраке огромного зала. Лицо оставалось непроницаемым, но в глазах горел настоящий гнев, который он сдерживал всё это время. Он сделал несколько шагов ко мне, разглядывая мою разбитую голову, грязные

шорты и сбитые в кровь кулаки.

— Ну здравствуй, сын, — его голос прозвучал на редкость грозно. — Хорош. Ничего не скажешь. Из обезьянника под утро... это как раз то, чего мне не хватало для полного счастья. Прекрасное пополнение семейного портфолио.

— Отец, там долгая история... — попытался было встать я, проходя вглубь комнаты и мечтая просто доползти до своей душевой.

— Закрой рот и послушай меня! — вдруг рывкнул он. Он резко шагнул ко мне и жёстко ткнул пальцем прямо мне в грудь. — Я никогда не лез в твою личную жизнь! Ты это знаешь! Я давал тебе столько свободы, сколько ты хотел! Занимайся проектами, управляй активами, крути романы с кем хочешь! Я не контролировал твоих женщин и не читал тебе нотации, пока ты держал планку и вёл себя как Лазарев! Но теперь я вмешаюсь! Потому что то, что происходит с тобой в последнее время, это уже край!

Отец тяжело дышал от переполняющего его гнева, его глаза буквально буравили меня насквозь, выжигая остатки моего сонного оцепенения.

— Ты с этой девушкой совсем другим стал, Игорь! Сам на себя не похож! Посмотри на себя со стороны, во что ты превратился?! Какой-то загнанный, дёрганный мальчишка. Из крайности в крайность кидаешься. Где твоя холодная голова? Где твоё мужское самолюбие, в конце концов? Ты ради неё бросил девушку, с которой прожил два года, прак-

тически ушёл из отчего дома, ползаешь перед ней на коленях, умоляешь её о чём-то... Да! Мне всё доложили! Как ты перед ней унижаешься! А она? Посмотри, сколько несчастья и деградации она принесла в твою жизнь!

Я молчал, сжав зубы до хруста. Слова отца били наотмашь, без промаха, прямо по живой, кровоточащей ране. Против его железной логики сейчас у меня не было аргументов.

— Сначала эта история с Ирой, где тебя чуть под статью не подвели! — продолжал наступать отец, его лицо багровело от праведного гнева. — Теперь этот цирк в SPA, разнесли им всё в хлам там своими разборками! Голову пробил! В обезьянник загремел! У тебя миллиардные дела на кону, Игорь! У тебя имя, которое строилось десятилетиями моими руками! А ты сидишь в кутузке с местной швалью из-за того, что девчонка устроила тебе истерику! Она ломает тебя! Ты тратишь весь свой ресурс не на бизнес, не на развитие империи, а на то, чтобы доказать ей в её нищем подъезде, что ты не урод! Одумайся, Игорь, пока ты окончательно не сломал себе шею из-за этой любви!

Отец резко замолчал. Тяжело выдохнул, словно выплеснул всё, что копилось в нём со звонка от его стукачей-дознавателей. Он больше не сказал ни слова и просто развернулся и вышел из гостиной, направившись к себе. Я остался один посреди огромного, гулкого зала. В кармане шорт лежала флешка - мой единственный, последний патрон в этой

войне за собственное имя. Предстояло пережить этот день. Самый длинный, самый тяжёлый и самый паршивый день в моей жизни...

Глава 3: Точка невозврата.

Врач приехал через полчаса. Частная вызывная служба, у которой в контракте жирным шрифтом прописан пункт о неразглашении, прислала пожилого, интеллигентного хирурга в медицинском костюме, из-под которого виднелась татуированная манжета - видать, в молодости на скорой в суровых районах накушался всякого. Он даже бровью не повёл, когда увидел меня на диване в малой гостиной: в окровавленной футболке, со сбитыми кулаками и диким взглядом. Для него это был просто ещё один дорогой вызов к сыну миллиардера, который с кем-то что-то не поделил в ночном клубе.

— Ну-с, молодой человек, давайте посмотрим на ваши боевые трофеи, — успокаивающим баритоном произнёс он, раскрывая свой массивный кожаный саквояж.

Он работал быстро и молча, за что я был ему искренне благодарен. Кожа вокруг раны горела, когда он промывал её антисептиком, а запах перекиси и спирта мгновенно перебил остатки своего и чужого перегара, въевшегося в ноздри.

— Рассечение глубокое, Игорь Владиславович. Сотрясения вроде бы нет. Шить не будем, обойдёмся медицинским клеем и специальными стяжками. Меньше шрамов останется, — комментировал он, аккуратно орудуя пинцетом.

Когда холодные полоски пластыря стянули края раны на

затылке, мне наконец-то показалось, что я снова могу дышать. Гвоздь из головы вытащили. Доктор смазал мне сбитые костяшки на руках какой-то заживляющей мазью, выдал пару таблеток сильного анальгетика и, собрав инструменты, коротко кивнул:

— Три дня голову не мыть, горячий душ не принимать - только прохладный, и чтобы вода на затылок не попадала. Физические нагрузки исключить минимум на месяц. Вот ваши таблетки отёк снять. Доброго утра.

Когда за ним закрылась дверь, я залпом заглотнул таблетки, поднялся к себе в комнату и залез в душевую кабину. Пришлось извернуться, подставив под прохладные струи только спину и грудь, чтобы не размочить повязку. Вода стекала в слив грязными, розоватыми ручьями, унося с собой грязь, запах камеры, страх и унижение. Но легче не становилось. Внутри, чуть левее рёбер, продолжала быть пустота.

Я вышел из душа, натянул чистые спортивные штаны и серую футболку. Рука сама потянулась к мобильному, который лежал на тумбочке рядом с флешкой. Пять утра. Город за окном заливало бледным солнцем. Наверное, она сейчас спит. Или лежит на кровати, уставившись в потолок, подперев опухшее от слёз лицо подушкой. Думает обо мне. Проклинает.

Я вставил флешку в переходник, скинул тяжёлый видеофайл на телефон. Пальцы слегка подрагивали, когда я открывал мессенджер. Зашёл в наш чат. Наша последняя пе-

реписка - глупые смайлики, её аудиосообщение, где она смеётся и просит купить по дороге ветчину... Чёрт.

Я сел на край кровати, опёрся локтями о колени и начал писать. Без черновиков. Прямо из сердца, туда, где сейчас всё горело синим пламенем.

«Сашка, маленькая моя. Пожалуйста, не удаляй это сообщение. Выслушай меня, просто прочитай эти строчки.

Я пишу тебе это, и у меня внутри всё переворачивается от мысли, что ты сейчас чувствуешь. Мне плевать на ментов, плевать на разбитую голову, на то, что меня заперли ночью в камере - всё это полная херня по сравнению с тем, что я увидел в твоих глазах на парковке. Ты плакала из-за меня. Ты кричала, что я мёртв для тебя. И это самая страшная боль, которую я когда-либо испытывал в жизни.

Саш, я люблю тебя. Сильнее, чем можно вообще кого-то любить. Ты - лучшее, что случилось со мной за все мои годы, и я ценю тебя больше собственной жизни. Я бы никогда, слышишь, никогда тебя не предал. Мне никто не нужен, кроме тебя. Все эти клубы, тусовки, SPA - это всё пустое. Мой мир - это ты. Я до безумия обожаю твой голос, когда ты сонная что-то бормочешь утром. Твои глаза, когда ты смотришь на меня и улыбаешься этой своей тёплой улыбкой. Твой запах на моих футболках, который я вдыхаю каждый раз, когда тебя нет рядом. Я не мыслю себя без тебя, Саш. Я уже разучился засыпать и просыпаться один, мне нужна твоя рука в моей руке, нужно чувствовать твоё дыхание рядом.

Я никого так не любил. И ради тебя я готов на всё - расшибиться в лепёшку, пойти против всего мира, изменить в себе всё, что тебя ранит. Только не молчи. Только не вычёркивай меня.

Ниже видео. Посмотри его, умоляю тебя. Посмотри своими глазами от начала и до конца. Это запись с камер SPA-комплекса. Там видно всё. Видно, как Ксюша пьяная вешается на меня, как я отталкиваю её, и как она падает, утягивая меня за собой. Я не прикасался к ней. Я чист перед тобой, клянусь всем, что у меня есть. Мне нечего скрывать.

Я очень жду твоего звонка, Саш. Мне нужно услышать твой голос. Просто скажи, что ты посмотрела. Я буду ждать сколько нужно. Я люблю тебя».

Я прикрепил видеофайл. Полоса загрузки поползла вперёд, съедая секунды моего ожидания. 80%... 95%... Сообщение ушло, и рядом с ним тут же высветилась пометка «доставлено». Я пялился на экран, гипнотизируя эти две бледные, ещё не загоревшиеся зелёным отметки: абонент не в сети, сообщение даже не прочитано. Она офлайн.

Я отложил телефон на матрас, лёг на спину, уставившись в белый потолок, и сжал кулаки. Смазка на костяшках неприятно холодила кожу. Экран мобильного тускло поблёскивал в лучах восходящего солнца. Всё. Мой ход сделан. Мой последний патрон улетел в темноту. Теперь оставалось самое сложное - ждать.

Дальше дела пошли гораздо хуже. Саша не отвечала. Ни

на звонки, ни на сообщения, ни на истерические попытки моих друзей и даже Олеси хоть как-то достучаться до неё. Стена. Абсолютная, железобетонная стена. Я из последних сил сдерживался, чтобы не втянуть в это дерьмо Анну Степановну - понимал, что нельзя быть последним подонком и заставлять пожилую женщину переживать, хвататься за сердце из-за наших разборок. Ей-то за что это всё?

Дошло до того, что я просто стал караулить Сашку у подъезда, чтобы хоть на секунду увидеть её, перехватить, заставить выслушать. Но она не выходила из дома. Я знал, что она жива и здорова: в её окнах по вечерам загорался свет, я видел её силуэт на кухне. Пару раз случались моменты жуткой неловкости, когда она, подойдя к окну, натыкалась взглядом на мою машину. Саша тут же резко задёргивала шторы и пряталась в недрах квартиры. Чтобы не пугать её, я сменил тачку - взял у парней неприметный седан, стал парковаться в глубине двора, за деревьями.

И сидел там часами, как конченный маньяк, устраивал настоящую слежку.

Вспомнил, как точно так же проследил за ней после нашего самого первого свидания. Точнее, после шоппинга. Она тогда должна была встретиться с подружками, а я поехал следом, издалека наблюдая, как она заходит в магазин. Помню, как к ней подошёл какой-то парень, и меня тогда накрыло такой дикой ревностью, что дышать стало трудно. Правда, по её лицу сразу было видно, что разговор ей неприятен -

наверняка это был её бывший. Я тогда ещё испугался, что она меня заметит, ведь машина у меня была слишком яркая, приметная, и быстро скрылся в темпе. И вот теперь, спустя столько времени, я снова сижу во дворе, превратившись в одержимого преследователя.

Я заваливал её цветами через курьеров, отправлял подарки. Несколько раз сам поднимался, звонил в дверь, стучал так, что штукатурка сыпалась - ноль реакции. Все подосланные мной казачки, которых я просил заглянуть к ней под разными предлогами, возвращались с одним ответом: «Игорь, нам никто не открывает. Там будто нет никого». Но я-то точно знал, что она там. Сидит за запертой дверью и просто игнорирует моё существование.

А потом пришла стадия злобы. Гордость, обида и бессилие смешались в такую ядовитую смесь, что меня сорвало. В очередной вечер, сидя в машине, я набрал её номер. И сразу же услышал короткие, прерывистые гудки. Это значило лишь одно - Саша заблокировала меня. Проверил мессенджеры - аватарка пропала, сообщения не доходят. Заблокирован везде.

В ту же секунду я просто слетел с катушек. Кровь бросилась в голову, затылок отозвался острой вспышкой боли. Я выскочил из машины, взлетел на её этаж, подлетел к двери и уже занёс кулак, чтобы выбить эту чёртову деревяшку к чертям собачьим... и замер. В памяти слишком живо воскрес прошлый раз. Разбитая голова, ухмылки ментов, обе-

зьянник, ироничный взгляд Аркадия и слова отца, быющие наотмашь.

Я хрипло задышал, глядя на обшарпанную обивку двери. Понял, что если сейчас начну ломать замок, это будет окончательный финал. Плюнул прямо под ноги, развернулся и пошёл вниз. Мне нужно было забыться. Срочно. Выжечь эту боль чем угодно. Я вызвал водителя. Если я сам мог доехать до места забвения, то уже оттуда самостоятельно выехать не смогу.

— В клуб, — бросил я водителю, садясь в машину. — В «Рай». Срочно.

В клубе было душно, шумно и дико. Басы вжимали рёбра внутрь, неоновые лучи резали полумрак, а алкоголь лился рекой. Я пил много. Виски шёл как вода, обжигая горло, но не принося нужного тупления в голове. Я сидел за VIP-столиком, мрачный, как дьявол, и просто наблюдал за копошащейся на танцполе массой, пока алкогольная злость окончательно не развязала мне руки.

Тогда я её и увидел. На краю танцпола, возле барной стойки. Яркая, эффектная блондинка в обтягивающем красном платье, на вид студентка-первокурсница. Около неё тёрся какой-то парень, судя по всему, её ухажёр, хлипкий, в модной шмотке, что-то вещавший ей на ухо. Девчонка кокетливо смеялась, крутя в руках бокал.

Меня переключило. Захотелось доказать самому себе, что я всё ещё могу брать то, что хочу. Что мир не сошёлся кли-

ном на одной недоступной Саше.

Я поднялся со своего места, небрежно отодвинув охранника, и уверенным шагом направился к бару. Парень блондинки даже не успел сообразить, что происходит. Я просто вклинился между ними, бесцеремонно отодвинув его плечом, отчего тот едва не потерял равновесие.

— Слышь, ты чё... — вякнул было он, но я обернулся и посмотрел на него таким взглядом, что пацан подавился собственными словами. Рост, разворот плеч и ярость на моём лице заставили его мгновенно сдать назад.

Я повернулся к блондинке, перехватив её за талию и прижимая к себе. Она вскрикнула от неожиданности, но, оценив мой внешний вид, дорогие часы и уверенность, не стала вырываться. В её глазах вспыхнул огонёк.

— Пойдём со мной, — коротко бросил я, увлекая её за собой в сторону коридора, ведущего к туалетам.

Она что-то лепетала про подругу, про своего парня, но мне было плевать. Я затащил её в дальнюю, просторную кабинку VIP-зоны и с грохотом запер дверь на задвижку. Злость требовала выхода. Я развернул её спиной к себе, грубо прижав лицом к большому зеркалу над раковиной. Блондинка ахнула, когда я одним движением задрал подол её красного платья и бесцеремонно рванул вниз кружевные трусики.

Вспышка неона из-под щели двери скользила по её обнажённым ягодицам. Я навалился на неё сзади, чувствуя,

как она прогибается в пояснице, тяжело и часто дыша. Свои джинсы я сбросил наполовину. Без лишней прелюдии, жёстко и глубоко, я вошёл в неё. Девчонка громко застонала, впиваясь пальцами в края раковины. Я двигался быстро, наотмашь, вбивая её в это зеркало, и сумасшедший ритм музыки за стеной подстёгивал мою пьяную похоть. Я брал её грубо, зло, вымещая на этом чужом, податливом теле всю свою обиду. Блондинка лишь всхлипывала и выгибалась, подстраиваясь под мои мощные толчки, пока я, сжав зубы, не кончил глубоко внутрь неё, на секунду зажмурившись от дикой разрядки.

Но этого было мало. Алкоголь требовал продолжения уга-
ра.

— У меня есть подружка, — тяжело дыша и поправляя размазанную тушь, прошептала блондинка. — Поехали в гостиницу?

Через полчаса мы уже ввалились в люкс загородного отеля. С блондинкой, которую, как оказалось, звали Катей, приехала её подружка - жгучая фигуристая брюнетка с пухлыми губами. Обе были уже «хорошие», подогретые коктейлями и запахом моих денег.

Я упал на огромную двуспальную кровать, раскинув руки, и на секунду прикрыл глаза, чувствуя, как матрас прогибается подо мной. Девчонки переглянулись, и по их лицам скользнула ухмылка - спелись мгновенно, словно не первый раз работали в паре. Катя забралась на кровать сбоку и при-

нялась расстёгивать мои брюки дразняще, то и дело задевая пальцами напряжённую плоть сквозь ткань. А брюнетка отошла на пару шагов назад, к зеркальной стене, и, поймав мой взгляд, начала раздеваться.

Катя к тому моменту уже освободила меня от одежды и, не теряя времени, скользнула губами по моему животу, спускаясь ниже. Брюнетка присоединилась к ней через секунду, и вот уже обе они опустились передо мной на колени. Друг на друга им было откровенно плевать - их интересовал только член. Каждая тянулась к нему, как к единственному источнику тепла в этой комнате, и действовали они жадно, наперебой, пытаясь урвать свой кусок.

Брюнетка первая обхватила головку губами и втянула в рот, глубоко, с влажным, сосущим звуком, от которого у меня тут же запульсировало в паху. Она задала ритм, но мне этого было мало. Я запустил пальцы в её тёмные волосы, сжал в кулак и сам насадил её, заставляя принять глубже, до самого горла. Она всхлипнула, но не отстранилась, только шире развела колени, упираясь ладонями в мои бёдра.

Катя тем временем не терялась: пока брюнетка работала ртом, она обхватила ствол рукой и водила по нему то вверх, то вниз, то сжимая пальцы у самого основания, то скользя ими вслед за губами подруги. Иногда они менялись: брюнетка отстранялась, чтобы глотнуть воздуха, и тогда Катя тут же набрасывалась на член, заглатывая его с такой жадностью, будто боялась, что я сейчас исчезну.

А брюнетка в эти секунды откидывалась назад, закусывала губу и, глядя на меня пьяными, блестящими глазами, запускала пальцы себе между ног. Ласкала себя, пока по её бёдрам не потекло, и от этого зрелища меня самого вело так, что я снова хватал её за волосы и возвращал к своему паху, чтобы почувствовать, как её рот снова насаживается на член до упора.

Влажные чавканья, их сбитое дыхание, мои пальцы, сжатые в их волосах, всё смешалось в один сплошной, животный ритм, и я уже не контролировал, кто именно из них сейчас ласкает меня губами, а кто рукой. Я просто брал то, что они давали, и требовал ещё.

Потом я перевернул брюнетку на живот. Встал на колени сзади и с ходу, без долгих ласк, вошёл в её тугую, горячую попку. Она громко, протяжно застонала, уткнувшись лицом в подушку, пока её подруга Катя лежала рядом, лаская себя пальцами и наблюдая за процессом. Я двигался мощно, чувствуя, как алкоголь даёт мне бесконечную выносливость. Накрыв брюнетку своим телом, я довёл её до оргазма, а затем вытащил член и переключился на Катю.

Я трахал их по очереди, меняя позы, заставляя их стонать на всю комнату. Переворачивал, ставил на четвереньки, брал то одну, то другую. Когда очередная волна удовольствия подкатила к горлу, я вытащил член из Кати и спустил мощными струями прямо ей на упругую грудь и шею. Брюнетка тут же подставила лицо, и остатки моего семени попали ей на губы

и высунутый язычок. Они смеялись, слизывая белые капли, а я обессиленно рухнул на подушки, чувствуя, как сознание окончательно уплывает в темноту.

Пробуждение было жутким.

Я открыл глаза около одиннадцати утра. Голова разламывалась так, словно вчера по ней топтался слон - затылок ныл, повязка подсохла и чесалась. Во рту было сухо, как в пустыне. Но самым страшным было не похмелье.

Рядом со мной, раскидав помятые простыни, спали две абсолютно голые, чужие девчонки. На тумбочке стояли пустые бутылки, на полу валялись шорты, лифчики, разбросанные презервативы. В комнате стоял стойкий, удушливый запах перегара, духов и секса.

И в эту секунду меня накрыло такой паскудной тоской, что затошнило. На душе стало так грязно и мерзко, словно я искупался в помоях. Зачем я это сделал? Кому и что доказал? Облегчения это траханье не принесло ни на грамм. Наоборот, пустота внутри Сашиного места расширилась до размеров чёрной дыры. Я предал сам себя. Я ползал у неё под окнами, умолял поверить, а стоило ей заблокировать меня - пошёл и намотал на член первых встречных девок в притоне. От собственного бессилия и ничтожества хотелось выть. Как мне смотреть ей в глаза, когда мы помиримся?!

Я тихо, стараясь не шуметь, поднялся с кровати. Тело ломало. Кое-как натянул свои вещи, даже не заходя в душ - безговал прикасаться к местным полотенцам. Посмотрел

на спящих блондинку и брюнетку. На их лицах без макияжа проступила обычная, утренняя серость. Дешёвка. Полная дешёвка.

Я вытащил из кармана пачку пятидесятирублевых купюр, швырнул её на столик у зеркала, не пересчитывая. Достал телефон, проверил - от Саши, естественно, ничего.

Не оглядываясь, я бегом выскочил из номера, захлопнув за собой дверь. Сбежал как последний трус. Быстрее на свежий воздух, подальше от этого позора.

Глава 4: Охотничий инстинкт

Три года - это вполне достаточный срок, чтобы построить холдинг, похоронить в себе остатки наивного пацана и научиться смотреть на людей как на строчки в финансовом отчёте. В двадцать шесть лет я окончательно вошёл в колею, которую мне пророчил отец, и наша девелоперская компания вместе с сетью коммерческой недвижимости подмяли под себя такие куски рынка, что Аркадий теперь общался со мной исключительно как со снобом-равным, а не как с подопечным мальчишкой, которого надо вытаскивать из обезьянника.

Я стал жёстче. Холоднее. Костюмы сделались дороже, взгляд равнодушнее, а прошлые штормы улеглись, оставив после себя лишь выжженную пустыню и тот самый синдром фантомной боли, когда старая рана вроде бы затянулась, но к непогоде её всё равно тянет и выворачивает наизнанку.

Отец в последнее время всё чаще заводил разговоры о внуках и продолжении династии, аккуратно подсовывая на закрытых ужинах дочерей своих статусных партнёров. Но я оставался закрыт. Девушки в моей жизни, конечно, были красивые, ухоженные, знающие правила игры. Они появлялись на пару ночей, получали свои дорогие подарки и исчезали, не оставляя следов ни в моём сердце, ни в моей спальне. Я считал, что полностью контролирую свои эмоции, и эта

иллюзия меня вполне устраивала.

Пока в моей приёмной не появилась она.

Предыдущая секретарша ушла в декрет, и HR-департамент неделю просеивал через сито десятки резюме, выискивая кандидатку, способную выдержать мой ритм. Мне нужна была безупречная машина для графиков, звонков и варки правильного эспresso, ничего личного.

Когда дверь кабинета открылась, я даже не оторвал взгляд от аналитической записки по новому тендеру.

— Игорь Владиславович? К вам Татьяна на собеседование, — раздался голос HR-директора.

— Пусть войдёт.

Я поднял глаза и на секунду забыл, как дышать. Внутренний предохранитель, который я три года скрупулёзно выстраивал, жалобно звякнул и дал трещину.

Перед столом стояла ловушка для моего подсознания. Светлые, аккуратно уложенные волосы, огромные, пронзительно-голубые глаза, миниатюрная, хрупкая фигура - тот самый типаж, тот самый триггер, который когда-то помножил мою жизнь на ноль и отправил меня прямиком в обзьянник. Внутри поднялась моментальная волна циничного раздражения. «Специально они её подобрали, что ли?» - мелькнула злая мысль, и я уже готов был выставить её за дверь одним коротким «не подходит».

Но стоило Татьяне сделать шаг к креслу, как моё оцепенение сменилось чистым, исследовательским интересом. Нет.

Это была не Саша. И даже близко не стояла. В Сашке была трепетная, порой беззащитная нежность, а в этой девчонке, несмотря на её ангельскую внешность, сквозила такая порода и хищная уверенность, что у меня внутри непроизвольно включился охотничий инстинкт.

На ней сидел безупречный, строго приталенный брючный костюм, который выгодно подчёркивал идеальные формы, но не позволял лишнего. Она не робела под моим тяжёлым взглядом - наоборот, смотрела прямо, чуть приподняв уголок губ в едва заметной, дразнящей полуулыбке.

— Садитесь, Татьяна, — я откинулся на спинку кресла, продолжая буравить её глазами. — Ваше резюме впечатляет. Свободный английский, опыт работы в крупном банке. Почему ушли оттуда?

— Слишком монотонно, Игорь Владиславович, — её голос оказался на удивление глубоким, с мягким, бархатистым контральто. Она изящно закинула ногу на ногу. — Мне интересны масштабные проекты и руководители, у которых есть чему поучиться. А там был потолок. И скука.

— У меня скучно не будет, — я подался вперёд, опершись локтями о стол и намеренно вторгаясь в её личное пространство. — Рабочий день ненормированный. Капризов у меня много. Давление колоссальное. Справитесь? Или сбежите через неделю со слезами?

Татьяна даже не моргнула. Её голубые глаза сузились, превращаясь в две тонкие, опасные льдинки, и в этот момент

она чертовски напоминала тигрицу, которая прекрасно видит капкан, но ей просто весело играть с охотником.

— Я не плачу на работе, Игорь Владиславович. Предпочитаю решать проблемы, а не оплакивать их. А насчёт давления... у меня отличная стрессоустойчивость. Проверим?

В её интонации проскользнул уловимый вызов, что у меня по венам пробежал давно забытый азарт. Это был наглый, красивый блеф - она явно понимала, какое впечатление производит её внешность на мужиков, и пользовалась этим как лезвием бритвы. Из чистого, циничного любопытства и желания обломать эту самоуверенную кошечку я принял решение.

— Хорошо. Вы приняты. Выходите с завтрашнего дня, испытательный срок - месяц. Оформление через отдел кадров.

— Спасибо. До завтра, — она поднялась, плавно поправила пиджак и направилась к выходу, и её походка была от бедра.

«Ну держись, девочка, — подумал я, провожая её взглядом. — Посмотрим, насколько тебя хватит».

Я был уверен, что правила игры устанавливаю я. Обычная схема: загрузить работой, прошупать границы, дать понять, кто здесь хозяин, а через пару недель перевести отношения в более приватную и понятную мне плоскость. Красивая обёртка, внутри которой, как обычно, окажется стандартная охотница за деньгами и статусом.

Как же сильно я ошибался.

Таня оказалась профессионалом высшей пробы, но с характером из чистой стали. Она вела мой график без единого сбоя, отшивала ненужных просителей одним холодным словом и при этом умудрялась постоянно держать меня в напряжении. Она дразнила меня каждым своим движением, каждым наклоном головы, когда подавала документы, тонким шлейфом парфюма с нотками бергамота и мускуса.

Через две недели я решил, что пора переходить к делу. Засидевшись в кабинете до девяти вечера, я нажал кнопку селектора.

— Татьяна, зайдите ко мне с отчётом по «Гранд-Сити».

Она вошла. В офисе уже никого не было, за панорамными окнами шумела вечерняя Москва. Таня подошла к столу, положила папку, а я поднялся, обошёл стол и встал у неё за спиной слишком близко, так, что чувствовал тепло её тела и слышал, как учащается дыхание.

— Вы отлично справляетесь, Таня, — тихо произнёс я, опуская руку на её талию. — Думаю, испытательный срок можно закрыть досрочно.

Я ожидал чего угодно: покорности, наигранного смущения, ответного движения. Но Таня лишь замерла на секунду, затем медленно, с абсолютным спокойствием повернулась ко мне лицом, вынуждая меня убрать руку. Она посмотрела на меня снизу вверх, и в её голубых глазах не было ни капли страха, а кошачье превосходство.

— Игорь Владиславович. Я очень ценю вашу оценку моей

работы. Но мои профессиональные обязанности заканчиваются ровно на этой папке с отчётом.

Она сделала аккуратный шаг назад, разрывая дистанцию, и её губы снова тронула та самая дразнящая, сводящая с ума улыбка.

— Если вам нужен просто красивый аксессуар для вечернего досуга - в кадровом резерве холдинга много достойных кандидаток. А я здесь для того, чтобы ваш бизнес работал как часы. Хорошего вечера.

Она коротко кивнула, развернулась и вышла из кабинета, оставив меня стоять посреди пустой комнаты.

Кровь мгновенно хлынула в лицо. Меня как обухом по голове ударили. От ворот поворот - мне? Человеку, который привык получать всё по первому щелчку пальцев? Внутри вскипела дикая, уязвлённая злость, которая тут же переросла в бешеное, азартное пламя.

Она не просто отказала. Она бросила мне перчатку, заставила меня включиться в настоящую, полноценную охоту. Эта девчонка была чертовски умна - знала, что лёгкая добыча мне не интересна, и намеренно затягивала петлю на моей шее. Дразнила, подпускала на шаг и тут же била по рукам, заставляя думать о ней сутками напролёт.

Я вернулся к столу, налил себе виски и сделал большой глоток. Фантомная боль в груди впервые за три года уступила место острому, хищному предвкушению.

«Ну ладно, Танечка... — ухмыльнулся я, глядя на закры-

тую дверь приёмной. — Раз уж ты хочешь поиграть в кошки-мышки, давай поиграем. Посмотрим, кто из нас в итоге окажется на лопатках».

Прошло ещё два месяца. Два месяца изнурительного, выматывающего пинг-понга, в котором Таня виртуозно держала дистанцию.

Я с самого первого дня изучил её резюме и личное дело вдоль и поперёк, знал, что ни мужей, ни детей у неё нет - свободна как ветер в поле. Судя по всему, у неё был такой склад характера, да и на работе она пахала сутками, задерживаясь допоздна, что на личную жизнь времени банально не оставалось. Работа была её главным романом до тех пор, пока на её пути не встал я.

За это время мы несколько раз ездили в одной машине на строящиеся объекты и важные презентации. В просторном кожаном салоне моего представительского авто я нарочно, как бы невзначай, подсаживался к ней слишком близко - так, чтобы чувствовать плотное, тёплое бедро сквозь ткань её неизменного строгого костюма. Таня не отсаживалась, но и не заигрывала, продолжая ровным голосом зачитывать мне повестку дня или финансовые показатели.

Несколько раз я заходил дальше - бесцеремонно, но ласково проводил пальцами по её гладким ногам, медленно поднимаясь от колена вверх, к кружевной резинке чулка. Она замирала, терпела, шумно вдыхая носом воздух, до того самого момента, пока я не забирался слишком далеко. Тогда

она мягко, но уверенно перехватывала мою руку, убирала её и тут же отпускала какую-нибудь колкую, ироничную шутку, мгновенно сбивая градус напряжения. Она вела свою игру, заставляя меня буквально исходить от азарта.

Всё изменилось в один из августовских дней. Мы принимали готовую работу нашего нового премиального жилого комплекса. Мы с Таней шли чуть позади основной делегации инженеров и подрядчиков, и когда толпа отдалилась, завернув за угол длинного коридора на одном из верхних этажей, Таня вдруг резко затормозила.

Она молча схватила меня за руку и с неожиданной силой затащила в одну из ещё не проданных квартир. Я опешил. Дверь за нашими спинами захлопнулась, и Таня мгновенно щёлкнула задвижкой.

Она развернулась и прижала меня спиной к белой стене, которую совсем недавно выкрасили. Я почувствовал, что моему дорогому итальянскому костюму сейчас настанет полный звездеч, но меня это уже не заботило - в штанах мгновенно, до боли стало тесно. Я увидел горячий, потемневший взгляд Тани и торжествующую, хищную улыбку на её губах. Не дав мне опомниться, она начала целовать меня лихорадочно, быстро, в подбородок, в щёки, в мочку уха, обжигая шею своим дыханием.

— Только будь нежен... — её голос совсем сел, превратившись в интимный шёпот.

Таня резко повернулась ко мне попкой, облачиваясь ла-

донями на ту самую белую стену и сильно выгибаясь в пояснице. Скомканная на бёдрах строгая юбка-карандаш обнажила её кружевные, уже абсолютно мокрые трусики. Не глядя на меня, она закинула руку назад и протянула мне квадратный пакетик презерватива, который, оказывается, прятала в кармане пиджака. Охотница подготовилась.

— Какая хорошая девочка... — прорычал я ей прямо в ухо, срывая с неё бельё.

Я быстро натянул резинку, член ломился от воздержания и этой безумной игры. Прежде чем войти, я решил подразнить её, медленно потёрся головкой о горячие, влажные складки. Таня всхлипнула, сопя и вожаделенно постанывая от каждого моего движения.

И тут в голове вспыхнул образ Саши. Чёртов образ, который я три года выжигал калёным железом, который отметал, который пытался выкинуть из мыслей каждую секунду своей жизни. Нахлынуло с такой силой, что у меня перехватило горло.

— Давай... — позвала меня Таня, нетерпеливо пошевелив бёдрами. — Ну же, Игорь...

Я вставил ей на всю длину, глубоко и жёстко. В этот же момент по коридору за дверью послышались шаги и голоса - делегация заметила мою пропажу и двинулась на поиски. Чтобы Таня не закричала, я мгновенно зажал ей рот ладонью. Защёлка на двери держала крепко, нас бы не нашли, но адреналин смешался с пьянящей похотью.

Я начал драть Таню как изголодавшийся, сорвавшийся с цепи зверь. Её светлые волосы разметались по моим плечам, и это окончательно добило мою крышу. Наваждение. Я увидел в этих светлых прядях Сашу, позволил себе обмануться, сойти с ума, представить, что это действительно она сейчас прогибается подо мной в этой пустой, пахнущей краской квартире.

Я прижал Таню к себе вплотную, стал исступлённо целовать её в мочку уха, в шею, закрыл глаза, чтобы не видеть чужого лица, чтобы удерживать внутри себя Сашин образ. Моя рука скользнула под блузку, я рванул ткань, с корнем выдрав пару пуговиц, залез под чашки неудобного, жёсткого каркасного лифчика и начал грубо, жадно наминать её скромную грудь второго размера, до боли поигрывая с сосками.

— На колени, — прорычал я, резко выдернув член и снимая презерватив.

— Ш-што? — Таня едва держалась на ногах, её веки дрожали, она никак не могла отдышаться.

— Я сказал - на колени! — мой голос прозвучал как удар бича.

Девушка послушалась. Ошарашенная моим тоном, она медленно опустилась передо мной на колени прямо на пыльный пол, и не успела даже пискнуть, как я перехватил её за затылок и бесцеремонно вставил член ей в рот, глубоко насаживая на себя. Таня давилась, ловила ртом воздух, пускала слюни по подбородку, но отчаянно пыталась удовлетворить

меня, боясь испортить момент.

Я не знаю, успела ли она получить хоть какое-то удовольствие, но я кончил быстро и мощно. Таня со слезами на глазах послушно сглотнула всё моё семя до последней капли, а я посмотрел на неё сверху вниз, протянул руку и грубо, смахивая, стряхнул слезинки с её лица.

— Приведи себя в порядок, — сухо бросил я.

Развернулся, щёлкнул задвижкой и вышел в коридор, оставив её сидеть на полу с разорванной блузкой и размазанной помадой.

После этого дня всё сломалось. Я стал ею брезговать, чисто физически не мог переносить её близость. Не знаю, почему так вышло. Наверное, я просто плохой, конченный человек.

Таня несколько раз в течение следующих недель совершала отчаянные попытки вернуть всё назад - пыталась снова добраться до моего члена то в кабинете под столом, то задерживаясь допоздна. Но я пресекал каждую её попытку на корню, жёстко убирал её руки. Больше не хотелось. Не моглось. Внутри просто не заводилось, мотор заклинило, и та Сашина тень, которую я вызвал в пустой квартире, окончательно добила всё живое во мне.

В конце концов это должно было закончиться взрывом. Однажды вечером Таня зашла ко мне, заперла дверь, не выдержала и разрыдалась прямо посреди кабинета. Настоящая тигрица сломалась, превратившись в обиженного котёнка.

— Почему? — сквозь слёзы спросила она, глядя на меня с обидой. — Почему ты так со мной, Игорь? Что я сделала не так? Ты же хотел меня!

Я посмотрел на её заплаканное лицо, на эти светлые волосы и ощутил лишь пустоту. Саши в ней больше не было. Наваждение ушло, оставив только раздражение.

— Тань, — я устало потёр переносицу. — Не мотай мне нервы. Просто увольняйся. Так будет лучше для всех.

Она застыла, уставившись на меня в полном шоке, хлопала своими огромными голубыми глазами, не веря, что её вышвыривают как отработанный материал. Через секунду закрыла лицо руками, пулей выбежала из кабинета и уехала домой.

На следующий день на моём столе лежало заявление об увольнении. Одним днём, без всяких отработок. На работу она больше не пришла.

Но я всё-таки не был законченным скотом до самого конца. Я вызвал бухгалтера и распорядился выплатить ей шестерной оклад в качестве выходного пособия - круглая сумма на два года безбедной жизни. Пусть съездит на море, подлечит нервы. В конце концов, я её честно предупреждал на собеседовании, что у меня ей легко и скучно не будет. Она сама решила поиграть с хищником, и в процессе сама стала жертвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.